

Альфред Боймлер
НИЦШЕ, ФИЛОСОФ И ПОЛИТИК
Лейпциг, 1931 (главы из книги)

Часть I. Воля как власть

Никто так не мешает пониманию философии Ницше, как заглавие его основного философского труда. Многие полагают, что они знают, что есть воля и что есть власть, и соответствующим образом толкуют заглавие. В действительности нет ничего труднее понять и описать, как то, что Ницше подразумевал под словами «Воля к власти». Понимание появляется в тот момент, когда перестают связывать понятия «воля» и «цель». Воля к власти это не воля, которая имеет власть своей целью, которая стремится к власти. Эта воля не направлена на что-то — все эти представления искажают действительность воления. Если там и присутствуют цели, они устанавливаются волей, они находятся у нее на службе и не могут быть ничем внешним по отношению к ней, к чему бы она стремилась. Она сама не стремится к какой-либо цели, она сама является вечным становлением, которое не знает цели. Это становление есть борьба. А что есть соответственно воление? Ницше объясняет: «Воление вообще равнозначно желанию стать сильнее, желанию роста — и желанию иметь для этого средство». Сила не является целью воли, так как она сама и есть воля. Воля желает только себя: попытка дать этому объяснение ничего не дает. Но рост можно было бы трактовать как пассивный процесс — и тогда картина мира Ницше была бы соответственно неправильно понята. Рост это не процесс: напротив, под ростом Ницше подразумевает образ действий — он есть ничто иное, как следствие побед. Ницше отвергает каузализм, так как он понимает мир как борьбу, на этом же основании он выступает против телеологии: мнимая целесообразность происходящего является только следствием воли к власти: каждая победа устанавливает новый порядок, «обретение еще большей силы приносит порядок с собою, который напоминает набросок целесообразности».

У воления нет цели, которая бы лежала вне его — оно вообще ничто само по себе: воля есть только выражение данного общего состояния существующего. В человеке это выглядит так: воление это повеление, а повеление это аффект, и этот аффект является внезапным всплеском энергии. Путь воли отмечен всплесками энергии. То, что мы подразумеваем под волей в более узком смысле, осознанная воля, является только сопутствующим явлением сущности, которая представляет собой истечение энергии. «Воля только сопутствует». Осознанная воля сопутствует подлинной воле, которая всегда имеет перед собой бесконечность и поэтому свободна. И так она свободна, не потому, что ставит сама себе цели, но напротив, потому что у нее нет целей, так как она, будучи доступной для сознания, постоянно уходит в мрак. Это значит не стремиться к цели, это значит: «производить опыт, чтобы узнать, что мы можем; об этом нас может поставить в известность успех или неудача». Во всех случаях «хотеть» в реальности означает «мочь». Это есть испытание энергии. Поэтому традиционное учение о воле отвергается, и Ницше может сказать: «Нет никакой воли, ни свободной, ни несвободной. В определенных условиях за мыслью следует действие: одновременно с мыслью возникает воодушевление отдающего повеления — к нему принадлежит ощущение свободы, которое обычно путают с волей (в то время как оно является только сопутствующим явлением воли). Так называемое воление является предрассудком: реально только то, что нечто является через нас. Систематичность этого происходящего ведет нас к убеждению: то, что мы регулярно делаем, то мы хотим, поэтому мы свободны. «Реальность такова: в таком-то и таком случае я имею обыкновение делать это. Видимость такова: такой-то и такой случай произошел, и я хочу сейчас делать это». Если кого-то приводят в удивление его собственные поступки, как в случае, когда его охватывают страсти, тогда он начинает сомневаться в своей свободе, и, возможно, тогда говорят о демонических влияниях.

В таких случаях терпит крах наше поверхностное психологическое объяснение феномена воли. Вопрос заключается в том, из чего это происходит? Вопросы: «К чему? Куда?» являются нечто второстепенным. Это может происходить из желания, то есть из переливающегося через край ощущения энергии или из отсутствия желания, то есть из торможения ощущения энергии. В любом случае речь не ведется о том, чтобы предотвратить это из-за отсутствия желания или ради счастья, или ради пользы: «возможно, расходуется определенное количество энергии и достигается нечто, ради чего оно тратится. То, что называют целью, в действительности является средством для этого произвольного процесса выброса».

Из этого происходит твердое антигедонистическое понимание сущности действительного воления. Желание и отсутствие желания являются чем-то вторичным: они древнейшие проявления переоценки всех ценностей, но не ее причины. Прежде всего, желание возникает не из удовлетворения воления. Так как у воли нет цели, нет и конечного состояния, в котором она могла бы достичь удовлетворенности. Для пребывающего в напряжении нордического духа Ницше не было ничего более ненавистного, чем восточное представление о наполненном блаженством покое, идея «субботы суббот» Августина. Его учение о воле является наиболее совершенным выражением его германской сути. «Счастье как цель деяния это только средство увеличения напряжения: это напряжение не может быть снято с обретением счастья, заключающего в самом деянии. Окончательное переживание счастья является нечто весьма определенным, счастье, заключенное в действии, можно описать через сотню таких определенных образцов счастья». «Чтобы» это иллюзия: совершающий деяния обманывается счастьем, что он хочет достигнуть и забывает из этого о силе, которая движет им. Установленная цель служит только тому, чтобы довести до максимума страстное желание снятия напряжения. «Переполняющее захватывающее ощущение энергии таково: воображаемая цель действия порождает предвосхищение отдыха и еще более благодаря этому побуждает к разрядке: следующее действие дает настоящий отдых».

Мы говорим, что мы хотим нечто, в действительности нечто хочет в нас. Это «нечто» морочит нас картиной, целью, которая выступает в качестве мотива — в действительности всегда действует только энергия. Все наши дела, все наши мысли появляются без всякой связи друг с другом, из такой же глубины нашего «Я». Сознание только наблюдает. «Все, что появляется в сознании, является последним звеном цепи, завершением. То, что мысль выступает в качестве непосредственной причины другой мысли, это только иллюзия. Непосредственно события разыгрываются внутри нашего сознания: сменяющие друг друга чувства и мысли являются показателями непосредственно происходящих событий! За каждой мыслью скрывается аффект. Каждая мысль, каждое чувство, каждое усилие воли, не появляется из определенного инстинкта, но является состоянием целого, всей поверхностью всего сознания и результатом мгновенного установления власти всех порождающих нас инстинктов — господствующего инстинкта, также как подчиненных ему или противостоящих. Следующая мысль является признаком того, насколько сдвинулось общее положение власти».

Каждое деяние берет начало от блеклого образа в сознании, которое мы имеем во время его совершения, нечто отличное. Цели являются признаками, не более. «В то время как обычно копия следует за образцом, один вид копии предшествует образцу. В действительности мы никогда совершенно не знаем, что мы делаем, например, когда мы хотим совершить шаг или хотим издать звук. Возможно, это воление является бледной тенью того, что присутствует реально уже в становлении, отражение нашего «Мочь» и «Делать»: порой, очень превратное, там где мы оказываемся не в состоянии сделать то, что мы хотим».

Идея цели и воления отправляет нам всю реальность вплоть до повседневных представлений. Всюду мы находим целесообразность в природе — но то, что мы хотим, и то, что мы делаем, это нечто разное. И никакой мост нельзя перебросить от того к этому (...). Имеется только терминологическое, а не фактическое противоречие, когда Ницше иногда совершенно отрицает существование воли, а затем все же говорит о воле к власти. То, что он отрицает, это осознанная, целеполагающая воля, которая принадлежит к вымышленным сущностям внутреннего мира. Поэтому принцип этого учения гласит: «Здесь достаточно чувств и мышления. Воление как нечто третье это лишь воображение». Воля к власти это не воление (Wollen), но способность (Koennen), это реально работающее единство, на чьем месте идеализм позволяет действовать сознанию. Ошибка прежних философов заключалась в том, что они приписывали единство сознания тому, что в действительности образует единство энергии, которую Ницше называл волей к власти. В идеи воли к власти современное антикортезианство достигает своей кульминации. Потому и основной труд Ницше и несет эту идею в качестве заглавия.

Чудовищные ошибки идеализма можно систематически обобщить следующим образом. Главной ошибкой является бессмысленная переоценка сознания, из которой выводят единство, сущность, которая чувствует, мыслит и желает. Эту сущность называют духом. Всюду, где появляются целесообразность, система, координация, этот дух полагается в качестве причины. Сознание выступает как высочайший уровень бытия — как Бог. Всюду, где оно производит действие, там видят деятельность воли. Подлинный мир выступает в качестве духовного мира и, следовательно, он доступен только через факты сознания. Познание понимается как деятельность сознания. Исходя из этих принципиальных предположений, делаются выводы различной важности. Эти выводы следующие. Всякий прогресс происходит в направлении становления сознания, становление отсутствия сознания это регресс; к реальности приближаются через логику, а отдаляются от него через чувство; приближение к сознанию это приближение к Богу, все благо должно происходить из духовности, должно являться фактом сознания; поступательное движение по направлению к лучшему может быть только прогрессом в становлении сознания.

Как уже Людвиг Фейербах до него, Ницше видит в философии духа от Декарта до Гегеля дочь христианской теологии. Его критика сознания и воли идет в дополнение к критике христианского взгляда на мир. Идеалистическое мировоззрение является только философско-моралистической теодицеей. Оно берет начало из высочайших ценностей и целей, которым служит жизнь, но при этом средство (дух) неверно интерпретируется в качестве цели, жизнь же, напротив, низводится до уровня средства. Обо всем судят с позиции духа. Но все же осознанный мир не может считаться исходным пунктом для выбора ценностей. Дух не может образовать исходный пункт для всех наших оценок, все же дух выступает в качестве деятеля (в нашем мышлении). Все наши мысли происходят из глубины единства целого, которым мы являемся. То, что является в сознании, это всегда уже нечто вводящее в заблуждение. Действительность распространяется в неизмеримых глубинах под миром поверхности сознания. Это не хаос, а благоустроенное царство воли к власти. «В отношении огромного размера и многообразия сотрудничества и междоусобной борьбы, которые представляет собой жизнь любого целого организма, его осознанный мир, состоящий из ощущений, намерений и оценок ценностей, представляет собой лишь небольшой фрагмент. Для того, чтобы поставить эту часть сознания в качестве цели, как «Почему?» для того феномена целостности жизни, нам всем не хватает права: очевидно, что становление сознания является только средством для развертывания и распространения жизненной энергии. Поэтому возможно установить простодушие, желание или духовность или нравственность или какую-либо деталь сферы сознания в качестве высочайших ценностей: и возможно оправдывать мир на этой основе».

С теологическим, моралистическим и гедонистическим рассмотрением и оправданием жизни Ницше обходится точно таким же образом: по его мнению, эта сумасбродная интерпретация, которая смешивает жизнь с факторами сознания (желание и отвращение, добро и зло). Вместо того, чтобы понимать сознание как орудие и деталь в жизни целокупности, все ставят с ног на голову и духовный мир устанавливается в качестве мерила жизни. Все реальные, из глубины бытия исходящие деяния являются при таком взгляде в искаженной, скрытой форме: вместо пребывающих в борьбе жизненных целостностей полагают, что видят воображаемый мир прямолинейно двигающихся, определяемых духовными ценностями целостностей сознания. Это есть ошибочная точка зрения части на целое, из которой проистекает тенденция идеалистической философии воображать сознание целого, дух или Бога. Благодаря этому жизнь лишается смысла, а бытие превращается в монстра, который заслуживает осуждения. «Только что мы удалили сознание целого, устанавливающее цели и средства: и это великое облегчение для нас. Еще больший наш упрек бытию это существование Бога».

С этой позиции следует обозреть всю философскую систему Ницше целиком. Собственно, основная идея его теоретической, как и практической философии здесь очевидна. Борьбе против сознания, субъекта воли, духа в теоретической сфере соответствует борьба против разделения на добро и зло, против чувства вины, нечистой совести и нравственной ответственности в практической. Ницше вынужден бороться с христианским представлением о Боге, так как им упраздняется природа бытия, какой он ее признает: «Как только мы начинаем воображать кого-то, кто ответственен за то, что мы являемся такими и такими-то (Бога и природу), приписывая ему наше существование, наше счастье и горе в качестве намерения, мы оскверняем невинность становления. Мы имеем теперь кого-то, кто хочет достичь нечто благодаря нам и с нами».

Тайна борьбы, которую Ницше ведет против идеи Бога, выражена этим. Беглая заметка из его

наследия гласит: «Опровержение Бога: собственно говоря, существование морального Бога опровергнуто». Итак, есть только поповская идея Бога, против которой направлена борьба — Бог попов мертв. В нашем сердце может жить только Бог, который передает свою невинность бытию, вечному становлению. Словно на граните выбивает Ницше слова, в которых описывается его религия судьбы: «Никто не несет ответственности за то, что он вообще есть, что он создан таким и таким-то, что он находится в этих обстоятельствах, в этом окружении. Фатальность этого существования нельзя отделять от фатальности всего того, что было и что будет. Это не следствие собственного намерения, воли, цели, с которым не делается попытка достичь идеал человека или идеал счастья, или идеал нравственности — это абсурдно, желать свести свое бытие к какой-либо цели». Нет критики бытия, так как это бы дало основание предполагать, что мы занимаем твердую позицию за пределами бытия, с которой мы можем его оценивать. Но в каждой оценке присутствует и само это бытие — говорим ли мы «Да» или «Нет» бытию, мы делаем всегда только то, чем мы являемся. Все оценки ценностей являются только следствиями и точками зрения на службе у воли к власти. Воля к власти является только другим словом для обозначения невинности становления.

Исходя из этого центрального положения, Ницше объясняет свою собственную волю к философии и пути этой воли — сама она интерпретируется при помощи основной идеи его учения: «Как долго в самом себе стараюсь я доказать полную невинность становления! И, при этом, какие странные пути я исходил. Однажды мне показалось, что я нашел правильное решение: я издаю указ, что бытие, представляя собой нечто из рода произведений искусства, находится полностью вне сферы юрисдикции морали; напротив, мораль сама принадлежит к царству явлений. В другой раз я сказал: все понятия о вине, с объективной точки зрения, совершенно лишены ценности, с субъективной же — вся жизнь неизбежно несправедлива и нелогична. В третий раз я достиг отрицания всех целей и почувствовал непознаваемость причинно-следственных связей. И к чему все это? Разве не для того, чтобы привить себе чувство полной свободы от ответственности, поставить себя вне всяких похвал и порицаний, сделать себя независимым от всех Прежде и Сегодня, чтобы своим путем бежать вслед за своими целями?»

Когда Ницше только начинал обдумывать работу, которая должна была стать его главным философским трудом, к которому «Заратустра» служил только пролегоменами, он среди прочих хотел избрать заглавием: «Невинность становления». Руководство по спасению морали». Это заглавие было заменено на звучащее более агрессивно и многозначительно. То, о котором идет речь, в его философском значении следует понимать как вовсе не более подходящее, чем тот первый недвусмысленный вариант заглавия. Это заглавие хочет сказать: как только мы начинаем ставить бытие независимо и над становлением, реальность лишается своего смысла. Она обращается в иллюзорный мир наряду с действительным — она становится излишней. Гипотеза наличия подлинного бытия стоит вследствие этого на службе у клеветы на мир. В действительности становление «равным образом каждый миг может быть выражено иначе: у него совсем нет ценности, так как ему не достает нечто, чем бы его можно было измерить». Не существует некоей сферы, противоположной (kein Gegenüber) жизни, отталкиваясь от которой, можно было бы размышлять о бытии, нет инстанции, перед которой жизнь могла бы устыдиться: в этом заключается невинность становления.

Жизнь не имеет никакого судьи над собой: «Следует понять абсурдность этого жеста, направленного на бытие». Констатировать то, что существует, и каким образом оно существует, реалисту кажется несколько невыразимо выше и честнее, чем всякое: «это могло быть так». «Человек, каким он может быть: это звучит также пошло, как: дерево, каким оно может быть». Мораль содержит в себе чистые желания — но всякий раз, когда человек в воображении рисует себе идеалы, он становится маленьким. «Нельзя испытывать достаточно уважения к человеку, как только становится по нему видно, как он умеет сводить концы с концами, терпеть, пользоваться обстоятельствами и низвергать противника, напротив, смотрят на человека, пока он лишь изъявляет желание, хоть бы он был самым нелепым чудищем». Во всех желаниях есть нечто женское: это так, как если бы человек «нуждался в месте проявления трусости, лени, слабости, слащавости, покорности для отдыха для своих добродетелей силы и мужества».

С философской точки зрения исключение любого целеполагания благодаря идее невинности имеет особенное значение. К невинности бытия принадлежит наше настоящее: никогда нельзя «оправдывать настоящее ради будущего, или прошедшее ради настоящего». Вот почему необходимо «отвергнуть сознание целого становления, Бога, чтобы не подстраивать события под точку зрения сочувствующей, сопереживающей и все же ни к чему не стремящейся сущности». Если даже такая сущность была создана в воображении, то по логике вещей вера в истинный мир, находящийся за

пределами реального, вера в мораль, в высочайшие ценности и цели жизни опровергается, и достигается состояние, при котором вообще исключается та основная ошибка, как вакцина, которая прививается здоровому телу — и мы встаем перед феноменом, с описания которого должна была начинаться запланированная основная работа. Нигилизм означает, что высшие ценности обесцениваются, нигилизм это доведенная до конца логика развития наших идеалов.

Обычно считают, что Ницше сделал не более, чем просто констатировал факт существования европейского нигилизма, он по сути своей критик, чистый отрицатель и разрушитель, который созидательную работу оставил для других. С этими упреками дело обстоит так же, как и с дешевыми констатациями его атеизма. У Ницше нигилизм стоит на основе современной культуры, он беспощадно разоблачил хаос, царящий в душе современного человека; но он также воздвиг образ нового мира и нового человека в из истинном величии. Его значение заключается не в том, что он сделал то, что делали многие перед ним: что он сотворил новые ценности, новые идеалы, что он позволил нам глубже заглянуть в глубины реальности, как ни один мыслитель перед ним. Не в отстраненной и бессильной манере описал он разрушенный мир, который окружает воспитанного на идеализме человека, но и он также дал возможность увидеть порядок, который всегда был, и всегда будет. Это выявление вечного порядка в мире, которое и представляет собой его собственное достижение в сфере философии, теснейшим образом связано с его верой в судьбу. Он отрицал ложный порядок сознания только для того, чтобы позволить подлинному порядку воли к власти встать на его место в царстве нашего мышления, так что он вступил в спор с моральным Богом без того, чтобы бороться с Богом.

Часть II. Гераклитов мир

Философия, которая начинает с субъекта, с фактов сознания, заканчивается с идеей сознания целостного мира духовных ценностей. Философия Ницше достигает своей кульминации при констатации того, что имеется целостный феномен жизни (*ein Gesamtphänomen von Leben*), целостность жизни, из которого берут начало все наши мысли и деяния. Воля к власти это только другое название этой целостности. Под этой волей мы должны понимать не только субъективный феномен, устремление или порыв воли, но нечто объективное: здоровый порядок как действительность жизни. Целостность организма и целостность жизни, даже бытия вообще, рассматриваются при этом Ницше как тождественные. Различие в размере, которое существует между человеческим телом и космосом, не имеет большого значения, когда мы в обоих случаях не упускаем из вида структуру, которая происходит из корневой природы воли к власти, так как и тело, и космос представляют собой бесконечно сложное многообразие, созданное волей к власти. «Мы можем объяснить себе устройство нашего тела и получить точно такое же представление о нем, как и об устройстве звездной системы, и различие между органическим и неорганическим не будет бросаться более в глаза».

Душа, из которой происходит субъект идеалистов, хочет быть привлекательной и таинственной идеей, но возможно, говорит Ницше, то, на что мы ее научимся обменять, будет еще привлекательнее и таинственнее. «Человеческое тело, в котором все самое отдаленное и самое близкое прошлое всего органического становления обретает живое телесное воплощение, через которое и из которого, кажется, течет чудовищный неслыханный поток: тело это еще более удивительная идея, чем старая душа». Исследуя тело, он проходит сквозь царства природы и истории. Тело это наиболее полное воплощение воли к власти, это тот самый феномен, в котором мы находим все черты этой воли выраженными самым полным образом. По сути дела, философия Ницше является единой хвалебной песнью реальности тела. Это есть философия подлинно эллинского типа.

Но что же есть тело? Оно является политической структурой — аристократией. Не в субъективных идеях и мнениях, не в случайных волеизъявлениях и желаниях выражается воля к власти, но в структуре господства, которую мы называем телом. «Все большая сложность, резкие проявления, одновременное существование развившихся органов и функций с исчезновением промежуточных звеньев, когда достигается совершенство — так проявляется воля к власти в органическом процессе, если ее доминантная, творческая, начальственная энергия расширяет границы ее могущества и в их пределах постоянно упрощает *der Imperative wachsend*». Жизнь, как мы видели, следует определять как продолжительную форму процессов утверждения силы, где различные борющиеся стороны со своей стороны возрастают не одинаково. Это объяснение Ницше продолжает таким способом, что полностью ясным становится политический характер организма: «В какой мере в повиновении

заключается сопротивление; свобода воли полностью не упраздняется. Таким же образом и в приказании заключено признание, что абсолютная власть противника не сокрушена, не поглощена, не упразднена. Повиновение и приказание являются проявлением игры борьбы».

Борьба, которой философия воли к власти объясняет все происходящее, это итак не бессмысленная ярость сил, направленная друг на друга. Она заключает в себе порядок, и следует понять идею этого порядка, если хочешь понять философию Ницше.

И вновь остро ощущается незаконченность системы. И все же в наследии Ницше можно отыскать места, которыми можно закрыть эти пробелы. В органическом существе, гласит одна запись, желает сохраняться не отдельное существо, не субъект, но сама борьба хочет сохранять себя, хочет расти и становиться осознанной. «То, что мы называем сознанием и духом, является только средством и инструментом, благодаря которому не субъект, но борьба желает сохраняться».

Человек есть свидетельство того, какие чудовищные силы могут быть пущены в движение через маленькое существо с разнообразным содержанием (или через многолетнюю борьбу, сосредоточенную во многих маленьких существах). Существа, которые играют со звездами». Итак, имеется еще нечто помимо борьбы: это есть то, что позволяет борьбе продолжаться, что делает возможным существование продолжительных форм живого, что создает органы управления телом, то, что предотвращает, чтобы борющиеся стороны уничтожились и наступил конец. Не может существовать ничего, чтобы находилось вне борьбы — данное предположение не подходит системе, которая изнутри желает представить становление. Не может быть законом то, что устанавливает правила для борьбы — это может быть только равновесием, которое устанавливается в процессе борьбы, через борьбу и таким образом поддерживает борьбу. «Борьба как средство установления равновесия», — гласит фактически одно из высказываний. Связь с волей к власти требует, чтобы это предложение имело и обратный смысл: равновесие есть средство продолжения борьбы.

По моему убеждению, в приведенном предложении и ему обратном философское размышление о воли к власти достигает своей вершины. Когда мы в другом месте читаем, что положение равновесия никогда не может быть достигнуто, потому что оно невозможно, это не означает никакого противоречия. Так как здесь под положением равновесия следует понимать покой («Если бы покой был возможен, он бы наступил»), слово «равновесие» имеет здесь чисто механическое значение. В противоположность этому предложение о борьбе как о средстве установления равновесия имеет метафизическое значение. Чтобы прояснить это значение, следует сказать, что Ницше подразумевает под борьбой.

Пониманию философской системы Ницше ничто не мешает с таким упрямством, как ложное мнение, проистекающее из неверной интерпретации его трудов, что он неоднократно менял свои взгляды. В действительности, во всей истории философии есть только немного мыслителей, которые с такой убежденностью следовали одной-единственной идее начиная с юности, как Ницше. Не следует обманываться здесь разнообразием способов выражения; в следующем разделе эта, целиком загадочная смена воззрений, получит свое объяснение: тексты Ницше это работы бойца, каждую отдельную работу следует понимать, исходя из позиции бойца, определяемой обстоятельствами соответствующего времени. За сменой позиции остается неизменной основная концепция гераклитовского мира. Какой она открылась юноше, такой же он представил ее будучи взрослым человеком в расцвете сил всего своего существа. Соответствие настолько полное, что предложения из фрагмента о «Философии в трагическую эпоху греков» можно даже использовать для толкования понятия воли к власти.

С поистине чудесной решимостью молодой Ницше сумел освободиться от представлений о нравственности, присущих его времени. У него с самого начала был доступ в мир, который лежал перед ним незатронутым лживыми и мягкотелыми идеями буржуазной гуманности. Не образ вечных символов: жажда борьбы и победы, беспристрастный взгляд на природу мира как одной вечной борьбы сил было тем, что отдалило его от буржуазной морали. Настолько непосредственное и глубже, чем мистически-музыкальная юношеская работа о трагедии, маленький фрагмент о соревнованиях у Гомера знакомит с его представлениями о жизни. Соревнование он считает самой благородной и самой главной эллинской идеей. Греческий гений, как он признает, *liess die gute Eris gelten* — ничто не отличает греческий мир так сильно от нашего. Как варварский, как в глубочайшем смысле небуржуазно, но насколько это правдиво, когда в том фрагменте он дает определение: «Жестокость победителя есть кульминация праздника жизни». Понимание жизни и трудов Ницше

отсутствует в том случае, если не обращать внимания на то, какую ценность имели для него переживания и идея борьбы и победы. В более позднем предисловии к труду, который ознаменовал его расставание с Вагнером («человеческое, слишком человеческое») самое значимое событие в его жизни блистает перед ним как достижение победы: «загадочная, полная вопросов и вопросов достойная победа, но все же первая победа». В предисловии к «Веселой науке» та философия, которая ставит мир выше войны, обозначается, как симптом болезни. А в «Сумерках богов» («Сумерках идолов» более лучший вариант перевода *Gotzendämmerung*): «Отказываются от великой жизни, когда отказываются от борьбы». В обществе, где царит буржуазный гуманизм, борьба рассматривается как нечто недостойное, в лучшем случае как нечто, что следует оправдывать. В этом обществе превыше всего ставится любовь — чувство, состояние души, в любом случае нечто субъективное, и прежде всего нечто многозначительное, что можно понимать как эрос, как секс или как любовь к Богу. Ничто не отражает неопределенности внутреннего содержания буржуазной личности лучше, чем это скользкое понятие. Где *amor* и *caritas* в тени банков протягиваются руки — там и есть место этого общества.

Одно единственное слово молодого Ницше ярко освещает относительность этого мира, теоретически основанного на любви, а практически на лжи. «Зависть находит намного более сильное проявление у греков. Идея справедливости намного важнее была для них, чем для нас: христианство вообще не знает справедливости». Что означает это слово? Ницше должен быть совсем дома в глубинах другого космоса, чтобы вообще смочь это выразить. Как только христианского Бога начинают представлять в образе справедливого судьи, сразу жизнь христианина начинает ограничиваться актом божественной юрисдикции, днем страшного суда. (...).

Как Ницше приходит к тому, чтобы отказать христианству в справедливости? Благодаря тому, что он полностью погружен в гераклитовское представление о справедливости. В своей глубочайшей основе ему чуждо и непонятно представление о награждающей и наказующей справедливости, представление о суде вообще, на котором присутствует морально обвиняемый, восседающий на троне судья и выносится объективный приговор. Этот способ представлять все в терминах юриспруденции только открывает дорогу для вынесения приговора, исходя из разделения на добро и зло. Он относится к типу человека, который неактивен, а исключительно реагирует. Реагирующий человек, человек, исполненный затаенной обиды, исходя из его понимания справедливости, предъявляет свои требования другим. Но быть справедливым это все же занимать позитивную позицию: «Активный, предприимчивый, агрессивный человек на сотню шагов стоит ближе к справедливости, чем реактивный, так как справедливость может быть чем угодно, но только не тем, к чему бы ее хотел свести реактивный человек: средством к прекращению борьбы, к снятию противоречий, к миру. Правовой порядок, который не был бы средством в борьбе структур власти, но средством против всякой борьбы вообще, Ницше называет принципом, враждебным жизни, разрушительным и губительным для человека, признаком усталости, тайной тропой в никуда. Именно эта мораль, которая учит идти этой тайной тропой, мораль добрых и справедливых, которая заключает в себе опасность для будущего всех людей: Наконец справедливость это добродетель последнего человека: «И когда они говорят: я справедлив, это звучит всегда также: «я отомщен!» одолеваемый чувством мести человек, человек, таящий, затаенную обиду, хочет, чтобы все люди были одинаковыми. Но Заратустра учит: «люди не равны, так говорит справедливость».

Неравенство и борьба являются предпосылками к справедливости. Эта справедливость не властвует над миром, над давкой борющихся сторон, она не знает ни вины, ни ответственности, ни судебных процессов, ни обвинительных приговоров: оно имманентна борьбе. Поэтому она невозможна во вселенной, где царит мир. Справедливость может быть только там, где силы свободно смешиваются друг с другом. В условиях абсолютной власти, при порядке вещей, которые знают божественного повелителя, в области *Rex Romani*, нет больше справедливости, так как там нет больше борьбы. Мир застывает там в конвенциональной форме. В противоположность этому Ницше видит: благодаря борьбе справедливость каждый раз принимает новый облик, борьба это мать всех вещей, она делает господина господином и раба рабом. Так говорил Гераклит Эфесский. Но это также и изначальное германское воззрение: В борьбе обнаруживается, кто благороден, а кто нет: благодаря врожденному мужеству господин становится господином, и благодаря своей трусости раб становится рабом. Именно в ней находит свое выражение вечная справедливость: она соединяет и разъединяет, она определяет порядок в мире, она устанавливает все ранги. Так Ницше выводит из ключевой идеи греческо-германской метафизики свое великое учение: не существует единой морали, но есть только мораль господ и мораль рабов.

Не благодаря внешнему акту устанавливается справедливость, но она сама устанавливает себя через свои деяния. Если главная работа Шопенгауера носит название «Мир как воля и представление», так и главная работа Ницше могла бы носить название: «Мир как деяние и справедливость», или короче и выразительно: «Мир как борьба». Последнее название является только другим поворотом в сторону невинности становления. Невинность заключается в том, что нет деятеля для всех дел, но что-то происходит, у чего нет субъекта, цели и причинно-следственной взаимосвязи. Понятие деятеля равнозначно понятию ответственного деятеля. Подлинные деяния этим не исключаются, так как подлинный деятель это борец, это сосредоточие силы, каждый миг выводящее последствия из своей силы. Сосредоточие силы не является ответственным субъектом. Решающее значение имеет исключение сознания и ответственности: в этой идее соединяются все линии философии Ницше. Из нее вытекает *nicht-forensische* рассмотрение человеческого бытия. Судья над жизнью имеется только тогда, когда имеется дух. Дух не только противостоит жизни, но и находится над ней, и именно он оскверняет невинность борьбы. Теперь ход борьбы определяется не самим борющимися сторонами, но потусторонней инстанцией, для которой решающее значение имеет не сила, а чистая совесть. Если рушится сознание, то рушится и представление о совести и суде, и жизнь снова возвращает себе невинность. Воинственная натура Ницше проявляется не только в его полемических текстах, в его *agonalen* отношении к Шопенгауеру, Вагнеру и Бисмарку, в отчаянном мужестве, с которым он нападал на самое древнее и почитаемое, напротив, скорее его природа война определяет характер всех его идей. Исключение *forensischen* системы является необходимым следствием обстоятельства, что Ницше вплоть до инстинктивного уровня был воином. Это было по-воински, постоянно жить перед лицом иного, принуждать себя пребывающим в напряженном внимании к определенным силам. Сила против силы — такова природа жизни. А у жрецов это выходит напротив, судить о жизни и направлять жизнь, исходя из абсолютной точки зрения. Жрец полагается на Бога и поэтому он устраняется от борьбы. Благодаря имеющимся у него особым отношениям с Богом у него есть право не быть победителем. Итак, тип жреца прямо противостоит типу война. Это неслучайно, что такие народы, как германцы и греки, не знали жреческого сословия, существовавшего в средиземноморских культурах. Когда жрец борется за меч, то от этого он не становится воином, но он превращается в поборника веры, в защитника высочайшего Бога, в фанатика. Он борется за абсолют, который в любом случае побеждает; если он не победит сейчас через него, то он победит позднее. Ясно, что при такой апелляции к абсолюту невозможно представление о справедливости или о судьбе. Для война не существует абсолюта, он признает только свою собственную силу и судьбу. Жреческий и воинский взгляд на мир взаимно исключают друг друга.

Ницше посвятил свою жизнь борьбе против двух исторических миров: против жреческо-романтического и рационалистско-просветительского. Его гераклитовское учение дает нам объяснение поведения линий этих фронтов. мир жреца и мир просветителя сходны, так как в них нет места честной борьбе и справедливости. Жрец выносит приговоры и далее ведет войны на истребление, чтобы привести в исполнение объявленный им божественным приговор. Хотя мир просветителя и кажется иным, но и здесь все же почитается абсолют. На место коленопреклонений перед священным приходит смущенное подобострастное поклонение перед разумом. В обоих мирах свободная борьба сил объявляется строго вне закона. Различные силы и их антагонизм вообще не признаются просветителем. Он знает только сферу разума с чувствами и вкусами, субъекты, чьи суждения можно исправить и облагородить. Все иное эта дикая природа. Самой дорогой для него идеей является гармония, которая исключает серьезные противоречия и реальную борьбу. На место борьбы сил друг с другом приходит ведущаяся с благими намерениями моралистическая борьба против суеверий, тупости и злобы людей. Это более не борьба, как ее понимает прирожденный воин: как можно бороться, если с самого начала ты подчинен закону! Как можно бороться в мире, в котором нет более борьбы, в котором есть только степень понимания, просвещения и образования! У каждой силы есть своя позиция и она ведет борьбу в пределах этой позиции. Итак, нет борьбы за разум, за счастье, за прогресс. Победа уже одержана, добро на одной стороне, а на другой только зло. В этом отношении просветитель является секуляристской разновидностью жреца: как обычный жрец пребывает в свете Бога, так и он пребывает в свете разума.

Но просветитель кажется выше, чем жрец, он превосходит его еще и по степени правоверности. Это происходит потому, что он имеет нечто перед собой: идею толерантности. В своем фанатизме жрец обладает величием; в противоречии со своим учением он может стать героем. Поэтому Заратустра проходит мимо жрецов. Поборники веры своей верой только оскверняют честную борьбу, они не знают ничего о справедливости. Но просветителями справедливость умерщвляется при помощи незаметно действующего яда. Идея терпимости противостоит справедливости, она искажает порядок вещей, так как она определяет борьбу как нечто такое, что следует осудить. Жрец изобрел нечистую

совесть и мораль, чтобы побеждать и господствовать, он борется против неверных, так как он мнит себя удостоенным милости, те же живут под проклятием.

Просветитель отговаривается, не желая более бороться, побеждать и господствовать, он служит исключительно морали. Он слишком просвещен, чтобы разжечь костры для еретиков, он устанавливает кафедры добродетели. Он довольствуется тем, что у него чистая совесть, и тем, что он учит, что у его противника ее нет. Это именуется терпимостью: отрицание противоречий, чтобы он мог бы править, не прилагая усилий в борьбе. И философия для него является следующим: сведением всего живого и могущественного к тенденциям сознания, к разуму и воле. Поэтому он обращает великое в малое, а малое в великое. Жрец сражается за дело божье. Но когда просвещенный гражданин ведет войну, то он должен отыскать прежде хорошую цель, ради которой стоит бороться, так как он борется принципиально только с чистой совестью. «Вы говорите, что хорошая цель освящает даже войну. Я говорю вам, что хорошая война освящает любую цель». Но морализм просветителя должен заканчиваться полным неприятием войны. Безгеройное существование, жизнь без великих целей, жалкие удовольствия, в конце концов, представляются в качестве морального долга, а война, дающая возможность проявлению героизма, объявляется вне закона.

Две эпохи составляют новую историю: за эпохой жреческих ценностей следует эпоха моральных ценностей. Психология жреца у Ницше (психология затаенной обиды) в его «Генеалогии морали» является продолжением борьбы против морали, открывающей «утреннюю зарю». При всех отличиях, которые говорят в пользу жреца, служители священного и служители разума представляют все же один и тот же вид: они поднимаются во имя абсолюта, они выносят приговоры, они объявляют вне закона вместо того, чтобы бороться. Но одновременно они прибегают к человеческим, слишком человеческим средствам для достижения своих целей. Чтобы добиться победы, мораль должна стать аморальной. «Чтобы моральные ценности начали господствовать, этому должны содействовать исключительно аморальные силы и побуждения. Просветитель терпит это противоречие. Ему не хватает честности и храбрости, которые требуются для того, чтобы бороться с порядком вещей, основанном на противоречии.

Просветитель терпит это посреди лжи христианской цивилизации, даже его чистая совесть пребывает во лжи. Но это является психологической предпосылкой анархии. Порядок, который основан на господстве сознания, является только кажущимся: он не основан на сути вещей, он противоречит действительности. Когда люди верят в воображаемую гармонию, в мир, в котором нет противоборства сил и антагонизмов, тогда наступает хаос. В природе вовсе не господствует хаос, он является царством нерушимой справедливости. Хаотичен мир людей, когда они стремятся освободиться от справедливости, которая лежит в основе вещей, когда они отрицают волю к власти. Нигилизм, хаос это неизбежное следствие веры в гармонию без борьбы, в порядок, лишенный противоречий. Подлинный порядок возникает из отношений, в которых есть господство и подчинение, которые порождает воля к власти. Гуманным, добавим мы, является мир, в котором присутствует иерархический порядок, в котором задают тон моралистические идеи. Негуманным является исключительно хаос: господство терпимости и моралистических идей, разума и сострадания, короче, гуманности, ведет к негуманности.

Если хочется получить представление о единстве и последовательности учения Ницше, то следует прочитать отрывок о Гераклите и идее справедливости в фрагменте о «Философии в трагический век греков». Будучи окруженным цитатами из ключевой работы Шопенгауэра, которые стоят без внутренней связи к представленному видению, обнаруживаешь здесь основную идею воли к власти в ее удивительной ясности. Внушающее ужас и ошеломляющее представление именуется вечным и единственным становлением, всеобщим непостоянством всего существующего. Гераклит понял, что все противоположные качества в мире связаны друг с другом, как две борющихся стороны, из которых то одна, то другая получает преимущество. мир является соединением, которое постоянно беспрепятственно находится в становлении. «Из войны противоположностей возникает все становление: определенные, кажущиеся нам продолжительно существующими качества выражают только мгновенное преимущество одной из борющихся сторон». И все же есть нечто существующее на протяжении длительного времени в вечной борьбе, соединение становится постоянным и беспрепятственным. Борьба в своем чистом виде затихла бы сама по себе. Эллину Гераклиту эта борьба открыла вечную справедливость. (...).

Все важные идеи Ницше: его отрицание философии субъекта телеологии, идеи причинности, его

борьбы против оптимизма, морализма и прогресса содержаться здесь в зародыше. Картина мира, в котором царит воля к власти, здесь уже предвосхищается, и снимается покров с идеи справедливости как глубочайшей идеи в этой картине мира. Где позднее осталась эта идея? Почему «Воля к власти» не содержит раздела, посвященного к справедливости?

В мире идей юного Ницше справедливость играет важную роль. Она является не только как основная идея при характеристике Aeschyleischen Traegodie, но образует также идейный стержень обоих более важных «Несвоевременных размышлений». В обоих текстах тот, кто обладает побуждением и силой, необходимыми для ее достижения, характеризуется как самый достойный экземпляр человеческой породы. Справедливость противопоставляется объективности. «Объективность и справедливость не имеют между собой ничего общего». Под объективностью следует понимать «холодный и презрительный нейтралитет так называемого человека-ученого». Сила ради достижения справедливости ставит человека в положение, дающее возможность преодолеть обыкновенную эмпирическую истину при познании истории через более глубокий и справедливый взгляд на вещи. Мир истории открывается не научному любопытству и объективности: только с точки зрения величайшей силы, принадлежащей настоящему, может быть истолковано прошлое. К справедливости принадлежат не познания ценности и терпимость, а сила и величие. Если мы последуем знакам, которые дают нам «Несвоевременные размышления» с их решительным утверждением идей справедливости и познания, то тогда мы получим ответ на самый трудный вопрос, который содержится в философии Ницше: на вопрос о возможности познания. По отношению к воли к власти философия воли к власти оказывается в опасном положении. Здесь у идеализма самая сильная позиция, здесь любой релятивизм обречен на крах. Метафизика справедливости не может быть релятивистской, справедливость исключает релятивизм. Итак, вопрос должен звучать так: имеется ли связь между этим понятием и философией воли к власти.

Согласно учению о воли к власти, все человеческие деяния и мысли сводятся к инстинктам. Также и воля к истине может быть только инстинктом власти: большая часть осознанных мыслей, даже философского мышления, принадлежат сфере инстинктов. Как же возможно соединить эгоистическое стремление к власти с чистым познанием? Все же не существует чистого познания, если понимать под этим познание, осуществляемое независимым, холодным, объективно взвешивающим субъектом — так как такового субъекта не существует. Познание должно быть относительным к познающему. Но так как познающий является только как обладателем энергии, познание должно иметь отношение к энергии познающего. Все мышление является формой волеия к господству: всякий инстинкт, который пользуется сознанием для мышления, стремится куда-либо вовне. На протяжении долгой истории homo sapiens все основные инстинкты человека внесли свой вклад в развитие философии. Каждый отдельный инстинкт хотел бы представить себя с удовольствием в качестве последней цели бытия и законного господина всех остальных побуждений. «Так как каждый инстинкт стремится к господству: и будучи таковым, он пытается философствовать».

Когда мир воли к власти понимается как хаос, порождаемый неистово бьющимися между собой силами, тогда познание невозможно. Увиденный Ницше мир несет в себе вечный порядок: слабый может быть побежден только сильным, не существует произвола; формула воли к власти это формула закона — другого закона, конечно, чем тот, который был известен до сих пор. Поэтому он определяется ни как закон над вещами, ни как всеобщее и потустороннее, которое совершенно случайно изнуряет посюстороннее, но закон, пребывающий в самих вещах, в их победах и поражениях, в способе, благодаря которому между ними образуется связь. Это ничто иное, как претерпевающая изменения во времени связь борющихся сил. Эта связь, это равновесие есть то, что Гераклит понимал под вечной справедливостью.

Учение Ницше о справедливости вытекает из этой идеи справедливости. Трансцендентальной идеи закона соответствует трансцендентальный субъект познания, который равнодушно, безучастно и не испытывая интереса витает в воздухе над вещами и поэтому именуется чистым. Из имманентной идеи закона, напротив, следует, что любой инстинкт, любой несущий порядок центр силы настолько в состоянии продвинуться в своем познании, насколько ему хватит воли к власти. Насколько и как сильно индивидуум вовлечен в борьбу, настолько он в состоянии познавать. Эта борьба ведется всеми средствами — также и при помощи познания. В победном упоении Ницше уделяет мало места этому средству. Но его основной идеей остается: познает и философствует воля к власти, а не сознание. Это зависит от пафоса, это зависит от силы мышления, насколько он преуспеет в познании. Кто обладает наиболее распростертой волей и высочайшей силой, тому принадлежит также и высочайшая справедливость, и тот в наибольшей степени приближается к истине. Справедливость только там, где

сила. Нет справедливости без силы — и нет также подлинной силы без справедливости.

Только обладающий превосходством, только господин в состоянии установить справедливость, то есть установить меру, которой можно будет мерять и чем он могущественнее, тем дальше он может зайти в представлении свободы действия. И так мы читаем в записи относящейся ко времени создания «Воли к власти»: «Справедливость, как функция далеко взирающей силы, которая проглядывает над мелкими перспективами добра и зла, также имеет более широкий горизонт пользы — намерения обрести нечто что более, чем эта или та персона». Итак, справедливость и сила состоят друг с другом в необходимой связи. Но чем другим может быть эта величайшая сила, иначе сем силой целого? Справедливость это только другое слово для обозначения наличия этого целого, которое, чтобы быть во веки веков силой, сохраняется во веки веков в равновесии, и которая сохраняется в равновесии только для того, чтобы во веки веков быть вовлеченной в борьбу всех качеств. Итак воля к власти это только другое обозначение высочайшей справедливости. Человек не познает, так как он обладает сознанием — сознание это только средство — но он познает, то есть он имеет отношение к целому, так как в нем воля к власти среди всех существ достигает кульминации, так как он в наибольшей степени приближается к вечной справедливости.

То, что мы с этим толкованием находимся на верном пути, показывает нам короткая запись, наполненная немислимой духовной энергией: «Справедливость как созидающий, производящий, разрушающий способ мышления, по причине переоценки ценностей: величайший представитель самой жизни».

Часть III. Дионис. Вечное возвращение

Философия воли к власти, философия вечного становления достигает своей кульминации в идее бытия. Становление есть. Нет бытия возле или рядом со становлением — это бытие, напротив, является только выражением продолжительности, самосохранения, имманентного порядка, справедливостью самого становления.

Проблема перехода от становления к бытию сильно занимала Ницше. К самым известным частям его учения относится учение о вечном возвращении, которое объективно является ничем иным, как попыткой стереть образ вечного становления и поставить на его место образ вечного бытия.

Также при этом решающее значение имеет воля к власти, только она является не как имманентная сила, как высочайшая справедливость, но как деяния одного индивидуума: Заратустра. «Наложить на становление отпечаток природы бытия — это есть высочайшая воля к власти. То, что все возвращается, это самое радикальное приближение этого мира становления к миру бытия: вершина мысли».

В этих предложениях идея вечного возвращения оказывается связанной с основными идеями учения. Или вернее: идея вечного возвращения является для того, чтобы упразднить систему. Когда появляется идея вечного возвращения, исчезает гераклитовский характер мира: «Я учу вас об освобождении от вечного потока, поток возвращается в себя, и вновь поднимается в таком же потоке». Мы явно стоим здесь перед противоречием. Только одно может иметь значение: или учение о вечном возвращении, или учение о воли к власти.

Известно, что идея вечного возвращения восходит к потрясению, которое Ницше испытал в августе 1881 года, наслаждаясь уединением в Энгадине. Эта идея появляется впервые в заключении «Веселой науки», и возвещает ее Заратустра. Это неудивительно, что она особенно притягивала к себе внимание и что она должна была быть благосклонно воспринятой, философская глубина и значение этой идеи следовало бы поставить вместе с пронизательностью, с которой она преподносится. По правде говоря эта идея с точки зрения Ницше лишена значения. Ее следует рассматривать как выражение глубокого личного переживания. С основной идеей воли к власти она никак не связана, скорее, будучи серьезно воспринятой, она бы разорвала взаимосвязанность философии воли к власти. В приведенных предложениях устанавливается только внешняя связь с волей к власти: природа бытия накладывается на становление через индивидуум. Она возникает через действие субъекта. Но воля к власти это не обозначение для переживания или события, это формула происходящего вообще.

Эта формула имеет объективное значение — отсюда ее внутренняя связь с идеей справедливости. Через идею вечного возвращения все переводится в сферу субъективного. Сам Ницше, как неповторимая личность, оказывается подобно основателю религии в центре мировых событий: для человечества это всегда час «великого полдня», в который появляется эта идея. При этом речь идет в меньшей степени о ценности самой идеи, чем, напротив, о эффекте, который она должна оказывать на человечество. Она определяет поворотный момент в истории: те, кто не верит в нее, должны умереть. «Только тот, кто считает что его бытие вечно повторяется, остается, но среди таких возможно состояние, до которой не додумался еще ни один утопист». Кто принимает эту идею идей, в того она и обращается. «При всем этом вопрос, что я делаю: это то, что я хочу сделать бессмысленное количество раз? Это есть величайшее затруднение».

То, что Ницше объективно пытался выразить через идею вечного возвращения, невиновность и отсутствие цели бытия, оправдание жизни через нее саму — находит намного более полное выражение в его учении. Нельзя игнорировать то, что возникновение концепции относится ко времени, когда Ницше еще находился на пути к учению о воли к власти. Учение о вечном возвращении является основой мышления Заратустры: в намерения Ницше не входило желать постоянно оставаться Заратустрой. Заратустра был исключительно призывом, предназначенным для того, чтобы привести к нему соратников. Вставка образа Заратустры в учение на более позднем этапе следует вероятно свести только к тому, что этот призыв остался неслышанным. Целесообразная вставка идеи вечного возвращения в учение невозможна: та идея является религиозной концепцией, а эта же напротив, сильно связана с философскими идеями; там вопрос об истине не может быть поставлен, здесь же, напротив, он должен быть поставлен; там все зависит от возможного следствия, здесь же речь идет об имманентной глубине нового образа мира.

Религиозная основа идеи вечного возвращения является очевидной, и Ницше также делает на нее акцент. «Давайте наложим отпечаток вечности на нашу жизнь! Эта идея содержит больше, чем все религии, которые рассматривают жизнь как нечто преходящее и побуждают думать о неопределенной другой жизни». Великий полдень это религиозное видение, Ницше является в качестве проповедника вечного возвращения, выступая в роли спасителя: «Я учу вас об освобождении из вечного потока». Он обвинял Платона в египетском влиянии: Платон решил мир истории, рассматривая его *sub specie aeterni*. Процесс египтизации гераклитового мира осуществляет теперь и основатель религии Ницше. В его философской системе нет ничего, с чем могла быть связана эта *Aternisierung* пребывающего в становлении — одиноко высится идея вечного возвращения сред равнины воли к власти здесь, словно эрратический валун. В принципе нет никакой философии вечного возвращения, есть только религия вечного возвращения. Когда Ницше поддался внушению Сурея, он в себе самом уступил на миг инстинкту богостроительства. Самым верным признаком того, что мы не имеем здесь более дела с философом Ницше, является связанная с темой возвращения «Песнь о Да и Аминь», которой заканчивается третья часть Заратустры, и которая со своим возвращением идеи любви («Ибо я люблю тебя о вечность!») находится в антагонизме со всеми философскими воззрениями Ницше. Количество набросков к основной работе заставляет признать, что Ницше хотел озаглавить ее последнюю главу «Вечное возвращение», а также «Дионис. Философия вечного возвращения». Наряду с этим существуют наброски, в которых эта последняя книга не содержит связи с идеей возвращения. В одном случае она носит название «Великая война», в другом — «Борьба ложных и истинных ценностей». Издателями «Воли к власти» в заключение был поставлен афоризм, который включает в себе сокровеннейшую связь идей дионисийского мира, вечного возвращения и воли к власти. Это тот прозаический шедевр, который начинается со слов: «И знаете ли вы, что для меня есть мир? Должен ли я показать вам его в моем зеркале?». Следствием моего размышления является доказательство, что этот фрагмент не представляет собой идеальной формулы философской картины мира Ницше, как до сих пор следовало полагать, что, напротив, есть только выбор, посмотреть на учение о воли к власти как на собственное учение Ницше, или отвергнуть это учение и объявить дионисизм философией Ницше. Единственная идея, которая совместима с упомянутым афоризмом и учением, это идея силы. Как «идея сил и волн силы», как «море бушующих самих в себе текущих сил» описывается здесь мир, как подверженный изменениям и сам в себя возвращающийся. Вечное возвращение означает здесь символ самоутверждения этой силы. Оно придает вечному становлению характер движения, «которое не знает ни насыщения, ни скуки, ни усталости», оно наделяет его счастьем, символом которого является круг. Становление же, с чьей идеей мы познакомились на предыдущих страницах, проистекает из антагонизма сил, и оно является только иным обозначением для всеобщей борьбы сил. Обе концепции совпадают в том, что не существует ни устойчивых вещей, ни продолжительных состояний, но система допускает все же законы вероятности, которые в отдельных случаях позволяют предвидеть исход борьбы. Законы природы являются формулами

соотношений сил. Нечто подобное было бы немыслимо в дионисийском мире. Этот мир ни коим образом не доступен познанию, если он должен быть охарактеризован, то оказываются доступными только эстетические понятия, это мир, который постоянно находит дорогу обратно от диссонанса к гармонии — «из изобилия обратно к простоте, из игры противоположностей назад к стремлению к гармонии». Никогда такой мир не может быть описан в философских терминах, и это невозможно в этом дионисийском мире «вечного сам-себя-творения, вечного сам-себя-разрушения, этого таинственного мира двойного наслаждения», вновь познать мир как борьбу, каким мы описали его выше, тот мир антагонизма и напряжения, который управляем неумолимым законом единства, справедливости, исходящей смотря по обстоятельствам из этого напряжения. «Динамическая кванта, находящаяся в отношениях напряжения со всеми прочими динамическими квантами» — такова формула Ницше для описания мира. На основе этой формулы он строил физику и психологию, психологию и этику. Никогда он не смог бы сделать этого при помощи своего дионисизма.

Напрашивается вопрос, не пошло ли понимание Ницше в этом столетии целиком ложным путем, введенное в заблуждение дудкой дионисийского крысолова. Всегда в Ницше искали и находили дионисийца, и при этом упускали из вида философа, честного друга греков и ученика Гераклита. Но если бы Ницше огляделся назад какими путями он пытался доказывать невиновность становления, то он совсем бы не назвал Диониса. Для себя самого он мыслитель гераклитовского мира, а не адепт Диониса. Имя «Дионис» это только символ оппозиционного движения, которое юный Ницше вел против христианской морали и в более позднем предисловии к «Рождению трагедии» Дионис обозначается в качестве личины «Антихриста». Ибо как он мог назвать действительно равноценную замену: «Как филолог и представитель словесности я называю ее — ибо кто знал подлинное имя антихриста именем греческого бога: я называю ее дионисийской».

Основатели религий и поэты, творящие мифы, имеют обыкновение быть мечтателями. Ницше полагал, что философ является типом, противоположным мечтателю. «Во мне нет ничего от основателя религии». Но как это повлекло за собой непредвиденное одиночество в этой единственной жизни и ученик Гераклита должен был стать поэтом «Заратустры», так это повлекло за собой борьбу против христианской Европы. И философ прибег к символам, чтобы иметь возможность громче сказать то, что никто не захотел услышать. Как он был благодарен любому знаку, который мог нести ему сообщение. И так он открыл «Дионис против распятого». Этим противопоставлением завершается представление самого себя. Но не в этой формуле, а в учении о воле к власти следует искать то, что Ницше должен был сказать против христианской Европы и ради ее спасения.

Перевод с немецкого Андрея Игнатьева.